

Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев,
УО «МГУ им. А.А. Кулешова»)

ПОД «ОПЕКОЙ» МУЖЧИН ИЛИ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОЖАНКИ В
XVI – XVII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ
МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)

В рассматриваемое время в городах, наделенных магдебургским правом, к числу которых относился и Могилев, наряду с общегосударственным законодательством (Статуты 1529, 1566 и 1588 гг.), действовали памятники немецкого права – «Саксонское зеркало» и «Вайхбильд магдебургии»¹. Последнее, дополняя статьи Статутов, оказало огромное влияние на семейную жизнь жителей Могилева, и определило специфику матримониальности горожан.

С момента своего рождения девочка, как, впрочем, и любой несовершеннолетний ребенок, находилась на попечении родителей, прежде всего, матери: *«...» для лучшего и пилнейшего выхованья дети малые от матки своее до опекунов браны быти не мають, але мають зостати при матце: девка – до пойшстья ее замуж, а муццизна – до лет таких, в яких вжо на науку до школы давати годно, то ест до семи лет»* [5, С. 219]. Данная статья соблюдалась, прежде всего в отношении дочерей. Так поступил в 1578 г. могилевский мещанин Игнат Чемерович, который при составлении завещания, поручил заботу о своей малолетней дочери своей жене: *«дитя, которое з нею набыл, девечька мала Настася, тая пры матце мает мешькати...»* [1, С.129]. В случае смерти одного из родителей в обязательном порядке назначался опекун. Если умирала мать, то опекуном и воспитателем своих детей становился их отец: *«Если дети после смерти матери остаются под опекой отца...»* [6, С.22]. Могла в качестве опекуна выступать и мать: *«То же самое должна сделать и жена отца детей, если отец умирает...»* [6, С.22]. Однако, это происходило только в том случае, если не оставалось родственников мужского пола: *«Найпервей тые опекунами мають быти, кого бы отецъ на тестаментъ ѿ дѣтемъ своимъ описалъ, а если бы не описалъ, тогды братъ старшый лѣтъ дорослый маеть молодшую братью и сестрами опекается. А не будетъ ли брата дорослого; ино стрыеве по мечу мають опекунами быти, а если бы стрыевъ рожоныхъ не было, ино близкіе также по мечу ку*

¹ На белорусских землях жители не знали первоисточников немецкого права, а пользовались переводами, которые были адаптированы к местным правовым условиям [2; С. 158; 7, 8, С. 27 – 28], поэтому не все статьи немецких памятников городского права в точности соблюдались.

опецъ мають быти припуцоны. А кгда бы опекуновъ прирожонныхъ никого не было, ино по матцъ инышыя кривныя мають быти опекунами» [4, С. 143; 5, С.226]; или же она договаривалась с опекунами, назначенными ее мужем по завещанию, и они давали ей разрешение на воспитание и опеку над дочерью. Так произошло в 1577 г. в семье Поненковых, где Овдотья, вдова Василия Поненка (последний в качестве опекунов оставил своих совершеннолетних сыновей), высказала желание не только самостоятельно заниматься воспитанием своей дочери Евгении, но и стать ее опекуном, на что и получили согласие: *«иж она (А.Н. – Овдотья) не хочечи поспол и з дочкою своею Евгинею бытии и на вдовим столцу мешкати и седети, а волечы вси речы тые которые муж ей Василий Поненко описал и отказал и остаточною волею даровал, в моцы и у владаности своей меть, и ими себе и дочку свою Евгинею до часу притіа лет ей зуполных живить и водлуг подобаніа своего опатрывать, тогды што ее колвек в тестаменте мужа ее належало ей поменило, на тот часъ от опекунов ихъ зуполне дошло, што иж по достатку рук своих побрала, тогды теж и тымъ детемъ добре опекати...»* [3, С. 38-39]. Подобные случаи были не частым явлением, тем более, что даже для вдовы назначался опекун. Так, в 27 августа 1577 г. могилевский мещанин Данило Мишкович, составляя завещание, назначил в качестве опекунов своей жены Татьяны, своих шуринов: *«...А ей самой (А.Н. – Татьяне Овсеевне)«...» опекунами ихъ (А.Н. – Иван и Федор Овсеевичи, шурины) вчынилъ...»* [3, С. 139]. А в 1580 г. Гапон Моисеевич назначил опекуном жены своих совершеннолетних сыновей: *«сынов своих, то ест Алексея, Артюха, Лавора, Микипора – тым сыном своим всю убогую маетность отписал и отдалъ, и при тых же сынах своих жону свою Алену Аристовну, матку тых же детей выш помененых, при них заставиль...»* [1, С.504].

Став взрослой, девушка не освобождалась от попечительства своих родственников до тех пор, пока не вступала в брак: *«покуль их замуж выдадутъ, мають их учтивисте на всем ховати, держачи при них невесту старую страечную»* [4, С. 138; 5, С. 218]. Как видим, опекуны должны были не только опекать девушку до момента ее замужества, но и, так же как и родители, будь они в живых, принимать участие в нравственном воспитании подопечной.

Согласно городскому праву после замужества женщина и ее имущество оказывались под «опекой» мужа: *«Если муж берет жену, то он берет в свое владение все ее имущество в порядке правомерной опеки (...). муж не может приобрести никакого другого права владения на имущество жены, кроме того, которое он приобрел с самого начала в силу его права на опеку»* [6, С. 31]. Подобная опека накладывала некоторые ограничения на действия замужней горожанки в отношении ее имущества:

«Иванова Максимова через, прятеля и опекуна своего <...> жаловала на учтывого Тишъка Зенов(ова), мещанина Могилевского, о томъ, ижъ купилъ у мене полотно локот чотырнадцат, за которое учинит, гр(о)ши дводцать два п(е)н(я)зи чотыры, нижли, не ведат зачымъ, гр(о)ши отдати не хочет. В учтывы Тишъко поведил, иж она з мужомъ своимъ сторговали у мене домъ опрочъ пляцу, за которы задатку тое полотно мне она дала была. А сторона поводовая поведеила, иж у него я дому ниякого не торговала и о томъ не ведаю. А мы, выслухавши жалобы и отпору стороны, обачаючы иж жона без ведомости мужа своего дому торгуют не могъла, с тей причины сказали, абы Тишъко той Ивановой за тое полотно тую твадцет два гр(о)ши п(е)н(я)зи чотыры за дву недели досыт учинил» [1, С. 285]. Как видим, горожанка не имела права приобрести недвижимое имущество без ведомости мужа. В то же время она могла распоряжаться движимым имуществом (в данном случае полотном). Более того, в XVI – XVII вв. не редко замужние горожанки, состоящие в браке, продавали принадлежащую им недвижимость: *«...Маря Леоновaя Кондратовича через опекуна <...> оповедала тыми словы, иж дей продала есми пляць свой властный <...> учтывому Максиму Опанасовичу, мещанину места Могилевского, за певную а мне от него взятую суму пен(я)зей...» [1, С. 286].*

В рассматриваемое время «опека» со стороны мужа также не ограничивала экономическую деятельность горожанки. Замужние горожанки не редко являлись владелицами питейных заведений: *«Ставшы очевисто Мишко Орель, жаловал на Пеклу Гришковую, иж будучы у нее, яко у дому корчомном, казал есми себе дат меду за гр(о)шей пят, а болей не казалъ, доват, нижли она на мене нанезши меду над то, штом, ей казалъ, а сукно з мене знала, менечи, же за полкопы напил, а тепер сукни отдати не хочет. А Пекла Гришковая поведила <...> же он казал дават меду, поки б самъ хотел и жолнеров честоваль, и напившы пол копы гр(о)шей, сукню свою дал...» [1, С. 605-606].* Выступали они и в качестве кредиторов, причем как для своих же родственников: *«Настася Озаровая, мещанка могилевска(я), жаловала и оповедала на учтывого Кондрата Ошурковичы, брата своего <...> о томъ, иж дей у мене позычил чотырок копъ гр(о)ши...» [1, С.81],* так и для чужих людей: *«Арина Тимошкова, через прятеля и опекуна з уряду приданог(о) <...> чынила сознанье о томъ, иж што был винен десет коп гр(о)шей монеты и личбы литовской водлуг книг описанног(о) головног(о) учтывый Тишко Пртемович, мещанин Могилевский, за тую суму пн(я)зей досыт учынил и заплатил...» [1, С.471].* Более того, женщина наравне с мужем участвовала при заключении некоторых сделок: *«...учтывы Занъко Курянович, весполк з жоною своею Марю Мелеховною чинил сознанье о том, иж взяли и позычили готовых и рукоемных монеты и личбы литовской...» [1, С.203].*

Муж же, как опекун своей жены, имел право подать иск в суд от ее имени: *«Семень Мацѣкович именемъ жоны своей Варки Семеновой жаловаль и оповедаль на учтивого Марка а Сашка Яковлевичовъ, мещанъ Могилевскихъ, о томъ ижъ они обадва <...> остали винъни на опис свой властны копъ чотыры безшести гр(о)шей монеты и личбы литовской...»* [1, С.166]. В данном случае Семен защищал интересы своей супруги без ее участия. Бывали также случаи, когда мужчина выступал в суде вместе со своей женой: *«Федя жаловала через мужа Федора Демьяновича...»* [1, С. 423]. Как видим, с иском обращается сама женщина, мужу же скорее отводится функция человека, который придает словам женщины большую весомость. Подобная практика была связана с тем, что согласно городскому праву: *«Девушки и женицины должны иметь опекуна при всяком иске потому, что нельзя опровергнуть свидетелями то, что они на суде говорят или делают»* [6, С. 35]. В том случае если муж по каким-либо причинам не мог отстаивать интересы своей супруги в суде, а также в случае его смерти, это делал опекун-мужчина, которого выбирала женщина сама: *«Маря Костюкова, мещанка Могилевская, жаловала через приятеля и опекуна своего...»*; *«Оришуля через приятеля и опекуна <...> жаловала на Васка Кучу...»* [1, С.407,495]; либо таковой назначался Магистратом: *«...Марина Жидкая жаловала через приятеля и опекуна з уряду приданого...»*; *«Маря Костюшкова, мещанка Могилевск(а) через приятеля и опекуна з уряду приданог(о)...»* [1, С, 369, 499]. Однако, следует отметить, что жительницы городов не всегда следовали данному предписанию. Например, 28 ноября 1579 г. в суде Могилевского магистрата Анна Мишковна Волкова самостоятельно подала иск в суд: *«Ганя Мишковна Волкова жаловала на учтивого Гарасима Васковича Стрелникова о томъ, иж был винен на цырокграфъ свой коп девяноста, на который цырокграфъ свой не заплатилъ мне еще деветнадцать гр(о)шей...»* [1, С. 446].

Вдовствующая горожанка, также как и замужняя дама, распоряжалась своим как движимым, так и недвижимым имуществом. Она могла его продать: *«Катарина Гапонова Обаневича, мещанка Могилевска(я), сама по своей доброй воли <...> чынила сознанье тыми словы, иж што се досталь был по небожчику мужу моемъ Гапоне Обаневичу моркгъ сеножатный <...> тотъ моркгъ <...> пустила и продала учтивому Радку, Опанасу а Исааку Тюхтовичом...»* [1, С.462]. Были случаи когда, вдова прибегала к сдаче в аренду: *«Анна Олтухова, мещанка Могилевска(я), жаловала и оповедала на учтивого Семена Пашьковича, мещанина Могилевског(о), иж дей он по смерти небожчика мужа моего Олтуха позучыл у мене на подержанье до часу в рынку тут в месте Могилевскомъ в реду коморы...»* [1, С.33].

Помимо этого, зачастую вдовы-горожанки, защищая интересы своих несовершеннолетних детей, подавали в суд на опекунов, которые были

назначены по завещанию: *«Настасья Озаровая чинила пилность и оповеданье против Клишка Выголки о томъ, иж его дала заказат на день дидейшы до права, яко опекуна от небожчыка мужа своего оставеного детемъ лет не дорослым, иж онъ, маючы в своей моцы и опеце, от ста копь гр(о)ши на кожды рок по десети копь гр(о)ши детемъ на выховане мел дават, от которых двадцати копь гр(о)ши заплатил толко копь шестнадцат, а чотырох копь гр(о)ши платити не хочет...»* [1, С. 179]. Как видим, в данном случае женщина не только не находится под опекой мужчин, но и подает в суд на недобросовестного опекуна.

Таким образом, в XVI – XVII вв. женщина должна была находиться под опекой либо родственников-мужчин (незамужняя девушка, в редких случаях, попадала под опеку матери). Однако, в повседневной жизни о реальной опеке, наиболее приближенной к статьям законов, можно говорить лишь в отношении незамужней девушки. Горожанка же, состоящая в браке, а также вдова, обладали довольно значительной экономической самостоятельностью, хотя и сохранялись внешние признаки «опеки» со стороны родственников.

Литература:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Дзербіна, Г. Права і сям'я ў Балерусі эпохі Рэнесансу / Г.Дзербіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
3. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30: Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло. – 1903. – 360, 164 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566. – Мінск: Тэсей, 2003. – 315 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / пад рэд. І.П. Шамякіна [і інш.]. – Мн.: Бел.сав.энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.
6. Эйке из Репкова Саксонское зеркало. В 3-х ч. Ч. 1: Земское право. Кн. 1. / пер. Л. И. Дембо. – М.: Наука, – 1985. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/ frametext1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007
7. Юргинис, Ю.М. Судьба магдебургского права в литовских городах / Ю.М. Юргинис // История СССР. – 1975. – № 4. – С. 145–155
8. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.